

Н. ПАСИТДИНОВ.
Начальник Ташкентской
специальной средней
школы милиции МВД
СССР, полковник внут-
ренней службы.

ЗРЕЛОСТЬ

ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Статья «Испытания не выдержал» и «Сердцу не прикажешь» вызвали много откликов. Обзор этих писем представляет определенную трудность, так как факты, описанные в статьях различны. В первом случае муж оставил умирающую жену, во втором женщина оставила свое моральное право на брак с человеком, который систематически пьет. И прочитав статью «Испытания не выдержал», посчитала, что для нее испытание заключается в жизни с человеком, который отвергает некоторые нормы, установленные нашим обществом. В своих откликах читатели газеты единодушны.

В ЯНВАРЕ меня потрясла в вашей газете статья «Испытания не выдержал». Я долго носилась с собой этот номер газеты, давая читать друзьям и знакомым, видела, как читали статью коллегам. Отклики были единодушны — все осуждали Володю. — пишет из Ташкента А. Дорони. «Случай, достойный наказания, пример недостойным и недостойным поведением», — подчеркивает его пенсионер пономарев в отставке А. Бенкузин. «Видимо, воспитать характер во сто крат труднее, чем развить его. Ты или иначе закон брешешь», — пишет группа читателей из совхоза имени XXI партсъезда Калининского района Ташкентской области.

Случай с Володей, конечно, из ряда вон выходящий, и аналогий здесь найти не так легко. Другое дело с героиней статьи «Сердцу не прикажешь». А поступком? Здесь есть примеры.

ПРОЧЛА статью «Сердцу не прикажешь». Испытала такое же на себе. И скажу — можно не прикажешь. Есть воля сердца и воля разума. Так вот, воля разума сильнее... — утверждает одна из читательниц газеты и рассказывает о своей встрече с человеком, в которого «влюбилась по уши». Хотела было, и семью брешешь. Но опомнившись, увидела, что ее новый знакомый пьет. Разум сказал, что жизни все равно не будет и заставить отсутствовать сердца. Хотя «люблю его до сих пор, забыть не могу».

Сильная женщина. Наверное, не все так могут. Не потерять голову в минуты, когда бурлит сердце. Когда кажется, что своей любовью можешь переделать другого человека, излить его от пороков. Я не эпюро, нередкое переделывают и извращают. И я бы, как автор статьи, первый посоветовала бы той женщине — попробуй. А вдруг действительно получится. Посоветовал бы, если бы не два обстоятельства. Во-первых, она уже два раза пробовала — ничего не

получилось. Сила порока оказалась сильнее силы любви к ней. А раз так, то не получится и в третий раз. И вряд ли стоит приносить свою жизнь в жертву человеку, который не заслужил и недостойн этой жертвы.

«Его магнитом тянуло на угол к собутыльникам», — пишет нам одна из наших читательниц из Нукуса о своем бывшем муже. — Я его любила. А он? Не знаю, быть может, и любил. Но я не верю в такую любовь, когда человек из-за пьянства забывает взятую жену из роддома. Он много раз обещал не пить, но... И любовь моя прошла... Любить такого — значит не уважать себя и окружающих тебя людей.

Да, видимо, вечной любви не бывает. Ее надо поддерживать своим отношением к человеку, своим поступками, делами. И потому я уверен — через некоторое время любовь у моей героини из статьи прошла бы. А что бы осталось? Пьяный, опустившийся человек, берущий от тебя все и не способный дать тебе ничего.

И во-вторых, та наша женщина была не одна. Имел право жертвовать собой, она не имеет права подвергать опасности своего ребенка.

«Хочется ответить мне этой женщине — не думай о себе, подумай о сыне. Не будь сыном, все было бы намного проще — полюбила, жила, борясь с его недостатками. Но ведь перед сыном есть особый долг матери!»

И как потом, после того, как опомнилась, она увидела, что будет смотреть ему в глаза? Дети не прощают такого, — пишет из Каракалпакии Т. Яковлева.

Говоря откровенно, когда я писала «Сердцу не прикажешь», то я дала вообразить некоторой части читателей. Таних возражений не последовало, что, надо сказать, обрадовало. Это означает единогласное осуждение любитель «зеленого змия». Это означает, что читатели совершенно правильно поставили знак равенства между благополучием семьи и поведением каждого из ее членов. Это, наконец, означает, что на факты, изложенные в статье, все посмотрели, исходя из интересов ребенка. Иначе как зрелость это не назвать.

Остается лишь поблагодарить всех, кто откликнулся на статью, опубликованные в газете, что мысли, высказанные ими в своих письмах, будут оставаться в жизни так же горячо, как это было сделано в откликах.

Х. ВАЛТОВ.

На снимке: студентки четвертого курса филологического факультета Ташкентского государственного университета Умри Иногамова и Мавлюда Хасанова.

Фото М. ЮСУПДЖАНОВАЙ (УзТАГ).

СЕКРЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

Из заболеваний щитовидной железы наиболее распространенное — диффузно-токсическое зоб или, как его еще называют, тиреотоксикоз. Первопричина заболевания — нарушение деятельности центральной нервной системы. Доказано, что сильные психические травмы: испуг, горе, глубокие переживания, различные интоксикации или инфекции могут привести к нарушению нормальной деятельности центральной нервной

системы. Изменение ее функции в свою очередь приводит к нарушению гормонального обмена в нижнем мозговом придатке — гипофизе. Эта центральная эндокринная железа предназначена для регуляции деятельности всех периферических желез, в том числе и щитовидной. В результате стимуляции гипофизом щитовидная железа начинает усиленно функционировать и избыточно вырабатывает свои гормоны.

Заболеть развивается в большинстве случаев постепенно. Вначале появляются признаки функциональных расстройств нервной системы. Человек становится раздражительным, повышается реактивность, суетливый. У женщин отмечается плаксивость, эмоциональная неустойчивость. У больных нарушается сон, появляется потливость и дрожание конечностей. Это предвещает тиреотоксикоз, так называемая железная болезнь.

По мере развития болезни, вследствие токсического действия гормонов, вырабатываемых в большом количестве щитовидной железой, появляются другие, главные симптомы заболевания. В этой стадии больной ощущает большую слабость, быструю утомляемость, в результате повышенного расхода жира и белка в организме больные быстро худеют, резко теряют в весе.

При тиреотоксикозе всегда страдает сердечно-сосудистая система. Больных беспокоит одышка, постоянное сердцебиение, иногда боли в области сердца. Частота сердечных ударов у таких больных всегда, даже во время сна,

увеличивается, достигает 100—140 ударов в минуту, а норма — 70—80 ударов. Щитовидная железа увеличена, но не достигая больших размеров, если до тиреотоксикоза у больного не было другого заболевания щитовидной железы.

Если заболевание своевременно не диагностируется или неправильно лечится, возникает осложнение со стороны органов зрения: появляется пучеглазие.

Тиреотоксикоз особенно тяжело протекает у детей и лиц пожилого возраста. Это связано с особенностью нейрогормональных сдвигов в организме в эти возрастные периоды.

Ныне наука, изучающая деятельность желез внутренней секреции, — эндокринология, располагает методами своевременной диагностики и эффективного лечения тиреотоксикоза. Лечение заболевания проводится в большинстве случаев такими препаратами, как мерказолил, перхлорат калия в комбинации с резерпином и другими, которые блокируют, прерывают повышенное гормонаобразование и нормализуют функцию щитовидной железы. Лишь небольшое количество больных нуждается в хирургическом лечении. Это те случаи болезни, когда щитовидная железа увеличена до 4—5 степени или же в железе имеется узлообразование — аденомы. Могут быть единичные случаи тиреотоксикоза, развивающегося у лиц с хроническими заболеваниями сердечно-сосудистой системы, легких, печени или почек, когда лечение проводится радиоактивным йодом.

Тиреотоксикоз — заболевание вполне излечимое. Только нужно своевременно, при первых признаках его обратиться к врачу.

Строгое, неутомятельное выполнение предписаний специалиста приводит к излечению от серьезного недуга.

З. КАЮМОВ.

Профессор, главный эндокринолог республики.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «ПРАВДЫ ВОСТОКА» ВЫЙДЕТ В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25 ИЮНЯ.

Редактор Н. Ф. ТИМОФЕЕВ.

ГСП, Ташкент. Улица «Правды Востока», 26.

Типография издательства ЦК Компартии Узбекистана, г. Ташкент.

Р. 00849. Индекс 64572. Изд. № В-51.

Почему без вилки?

Из писем в редакцию

Магазины самообслуживания прочно вошли в наш быт. Покупатель пришел к удобной форме торговли. Не только в хлебных магазинах самообслуживания приходится наблюдать довольно неприглядную картину. Подойти к покупателю и нацистски перебрать одну буханку хлеба за другой, выбирая «получше». А рядом сидит продавец и преспокойно за этим наблюдает. В каждом магазине есть специальные вилки, но редко кто ими пользуется. Фактически работа продавца в таких магазинах ограничивается функцией нациста.

По-видимому, не очень это беспокоит и работников городского управления торговли и дирекцию хлеботорговли. Правда, они собираются выпустить специальные плакаты и даже фильмы, но дальше этих обещаний дело пока не пошло. И по-прежнему перебирают хлеб руками в магазинах самообслуживания.

А. ВИННИЦИЙ.

Интересно знать

Крапива

Наверняка не найдете человека, который не считал бы крапиву. Чем она обусловлена? Крапива — это растение, которое покрывает жгучими волосками. Эти волоски представляют собой игольчатые клетки, которые при соприкосновении с человеком, иглообразная часть волоска отрывается и вонзается в кожу, куда впрыскивается ядовитый сок. При соприкосновении с человеком, иглообразная часть волоска отрывается и вонзается в кожу, куда впрыскивается ядовитый сок.

Крапива — не только поливитаминная пища, но и ценное лекарственное растение. Это растение широко используется в народной медицине многих стран мира как средство усиливающее деятельность пищеварительных желез и выделение желчи, а также как средство, увеличивающее процент гемоглобина и количество эритроцитов в крови. Есть мнение, что отвар крапивы способствует снижению количества сахара в крови.

В технике из листьев крапивы получают безвредную зеленую краску, употребляемую в пищевой, фармацевтической и парфюмерной промышленности. Из корней получают желтую краску, из стеблей — волокно, идущее на изготовление веревки, циновки.

С. САХОВИДИНОВ.

Заслуженный деятель науки Узбекской ССР, профессор, зав. кафедрой ботаники Ферганского государственного университета.

На фотоконкурс «Правды Востока»

С. ПАПОЙ, С. МАМОЯ — НА ПРОГУЛКУ

Фото Г. СВИРИДЕНКО. (Ташкент).

Тетя Катя

Рассказ-быль

Задание у Мавлюлова было обидным. С врачом вылететь в поселок Аксай. Там случилось несчастие, человеку срочно нужна хирургическая помощь.

Пострадавший оказался заслуженным учителем. Открытый перелом бедра, порвано много кровеносных сосудов. Женщины сломала ногу, спасая детей, попавших под снежную лавину.

Когда ее на носилках поднимали в вертолет, Мавлюлов стоял у дверей. Его удивило стойкое терпение пострадавшей. Ни единого звука. Боль застыла в широком раскрытии синих глаз. Да родинка на левой щеке, выгнувшись в овал, как бы подчеркивала страдания.

Мавлюнов вывел вертолет из ущелья. Скорее, скорее в город!

«Бледное лицо с большими синими глазами и родничок на левой щеке. Это лицо как бы отпечаталось в памяти Мавлюнова и что-то было, поднимало в ней, воссоздавало далекие воспоминания. И в то же время очень близкое, родное...»

«Мама?»

От этой мысли руки Мавлюнова дрогнули на штурвале. А вдруг и в самом деле это — мама. Андрей хорошо помнит светлые выходящие волосы матери, прямую, немного заостренную нос и большие синие глаза. Они были особенно большими и бездонными в то страшное утро, когда на поезд налетели фашистские самолеты. Но родинка. Кажется, родинка на лице матери не было. А может, была. Ведь больше тридцати лет прошло. Ему, Андрею, было в ту пору шесть лет. Так и в свидетельстве об усыновлении его Ахунджанов Мавлюновым записано.

Вертолет уже летел над широкой поймой реки, под его крыльями пряталась и улеглась высокая трава, заводские корпуса и жилые кварталы небольших промышленных городов. Мавлюнов вел машину быстро,

почти всю ночь в учительской шел совет: что делать с ребятами.

— Милая ты моя, Катенька, — говорила председатель, — да казачки в одночасье разберут твоих ребят, только ведь дальше глядеть надо... Детшек спасать надо, а к нам, того и гляди, пугачишки нагрянут. Веди ты уж ребятшек до города. Еще бычку, если надо, да.

— Не надо бычку, если дедушка Павел с нами поедет.

Чуть свет Вася и Рыжик были запряжены. Дети поднимались с трудом. Многие плакали.

Андрей не помнит, сколько дней шли они до областного города Тяжелый ранний подъем, мучительный путь по расклевывающей ноге. И тут очень помог дедушка Павел. Даже не столько он, сколько Вася и Рыжик. Запряженные в бычку, они, помахивая хвостами, спокойно стояли на дороге и как бы пригласили детей скорее собраться к ним и залезать в бычку, пока есть в ней местечко.

В Хорунжевскую добрались в сумерках, развелись дом председателя колхоза. На крыльцо вышла женщина. Окунув взглядом толпу детей, окружившую бычку, она охнула, приложила руки к груди, поправила гладко зачесанные волосы и сказала:

— Пойдемте в школу...

А потом в школу, запылавшись, прибежали две женщины с горшками парного молока и караваями белого хлеба.

— Ну давайте, казачата, вечерять... Ничего, ешьте, ешьте, всем хватит. Сейчас еще принесут...

И принесли. Принесли и ряженки, и каймаки, и сала, и хлеба. Андрей и сейчас кажется, что никогда, ни раньше, ни после, ему не приходилось есть такого вкусного хлеба и пить такого молока.

А когда женщины, уложив ребят на золотистой соломе и потихоньку всплакнув над горестной судьбой осиротевших, разошлись, в школу пришли председатель колхоза и партгор — пожилой казак с пустым правым рукавом и рубашки, засунутым за пояс.

Почти всю ночь в учительской шел совет: что делать с ребятами.

Милая ты моя, Катенька, — говорила председатель, — да казачки в одночасье разберут твоих ребят, только ведь дальше глядеть надо... Детшек спасать надо, а к нам, того и гляди, пугачишки нагрянут. Веди ты уж ребятшек до города. Еще бычку, если надо, да.

Не надо бычку, если дедушка Павел с нами поедет.

Чуть свет Вася и Рыжик были запряжены. Дети поднимались с трудом. Многие плакали.

Андрей не помнит, сколько дней шли они до областного города Тяжелый ранний подъем, мучительный путь по расклевывающей ноге. И тут очень помог дедушка Павел. Даже не столько он, сколько Вася и Рыжик. Запряженные в бычку, они, помахивая хвостами, спокойно стояли на дороге и как бы пригласили детей скорее собраться к ним и залезать в бычку, пока есть в ней местечко.

В Хорунжевскую добрались в сумерках, развелись дом председателя колхоза. На крыльцо вышла женщина. Окунув взглядом толпу детей, окружившую бычку, она охнула, приложила руки к груди, поправила гладко зачесанные волосы и сказала:

Пойдемте в школу...

А потом в школу, запылавшись, прибежали две женщины с горшками парного молока и караваями белого хлеба.

Ну давайте, казачата, вечерять... Ничего, ешьте, ешьте, всем хватит. Сейчас еще принесут...

И принесли. Принесли и ряженки, и каймаки, и сала, и хлеба. Андрей и сейчас кажется, что никогда, ни раньше, ни после, ему не приходилось есть такого вкусного хлеба и пить такого молока.

А когда женщины, уложив ребят на золотистой соломе и потихоньку всплакнув над горестной судьбой осиротевших, разошлись, в школу пришли председатель колхоза и партгор — пожилой казак с пустым правым рукавом и рубашки, засунутым за пояс.

Почти всю ночь в учительской шел совет: что делать с ребятами.

Милая ты моя, Катенька, — говорила председатель, — да казачки в одночасье разберут твоих ребят, только ведь дальше глядеть надо... Детшек спасать надо, а к нам, того и гляди, пугачишки нагрянут. Веди ты уж ребятшек до города. Еще бычку, если надо, да.

Не надо бычку, если дедушка Павел с нами поедет.

Чуть свет Вася и Рыжик были запряжены. Дети поднимались с трудом. Многие плакали.

Андрей не помнит, сколько дней шли они до областного города Тяжелый ранний подъем, мучительный путь по расклевывающей ноге. И тут очень помог дедушка Павел. Даже не столько он, сколько Вася и Рыжик. Запряженные в бычку, они, помахивая хвостами, спокойно стояли на дороге и как бы пригласили детей скорее собраться к ним и залезать в бычку, пока есть в ней местечко.

В Хорунжевскую добрались в сумерках, развелись дом председателя колхоза. На крыльцо вышла женщина. Окунув взглядом толпу детей, окружившую бычку, она охнула, приложила руки к груди, поправила гладко зачесанные волосы и сказала:

Пойдемте в школу...

А потом в школу, запылавшись, прибежали две женщины с горшками парного молока и караваями белого хлеба.

Ну давайте, казачата, вечерять... Ничего, ешьте, ешьте, всем хватит. Сейчас еще принесут...

И принесли. Принесли и ряженки, и каймаки, и сала, и хлеба. Андрей и сейчас кажется, что никогда, ни раньше, ни после, ему не приходилось есть такого вкусного хлеба и пить такого молока.

А когда женщины, уложив ребят на золотистой соломе и потихоньку всплакнув над горестной судьбой осиротевших, разошлись, в школу пришли председатель колхоза и партгор — пожилой казак с пустым правым рукавом и рубашки, засунутым за пояс.

Почти всю ночь в учительской шел совет: что делать с ребятами.

Милая ты моя, Катенька, — говорила председатель, — да казачки в одночасье разберут твоих ребят, только ведь дальше глядеть надо... Детшек спасать надо, а к нам, того и гляди, пугачишки нагрянут. Веди ты уж ребятшек до города. Еще бычку, если надо, да.

Не надо бычку, если дедушка Павел с нами поедет.

Чуть свет Вася и Рыжик были запряжены. Дети поднимались с трудом. Многие плакали.

Андрей не помнит, сколько дней шли они до областного города Тяжелый ранний подъем, мучительный путь по расклевывающей ноге. И тут очень помог дедушка Павел. Даже не столько он, сколько Вася и Рыжик. Запряженные в бычку, они, помахивая хвостами, спокойно стояли на дороге и как бы пригласили детей скорее собраться к ним и залезать в бычку, пока есть в ней местечко.

В Хорунжевскую добрались в сумерках, развелись дом председателя колхоза. На крыльцо вышла женщина. Окунув взглядом толпу детей, окружившую бычку, она охнула, приложила руки к груди, поправила гладко зачесанные волосы и сказала:

Пойдемте в школу...

А потом в школу, запылавшись, прибежали две женщины с горшками парного молока и караваями белого хлеба.

Ну давайте, казачата, вечерять... Ничего, ешьте, ешьте, всем хватит. Сейчас еще принесут...

И принесли. Принесли и ряженки, и каймаки, и сала, и хлеба. Андрей и сейчас кажется, что никогда, ни раньше, ни после, ему не приходилось есть такого вкусного хлеба и пить такого молока.

А когда женщины, уложив ребят на золотистой соломе и потихоньку всплакнув над горестной судьбой осиротевших, разошлись, в школу пришли председатель колхоза и партгор — пожилой казак с пустым правым рукавом и рубашки, засунутым за пояс.

Почти всю ночь в учительской шел совет: что делать с ребятами.

Милая ты моя, Катенька, — говорила председатель, — да казачки в одночасье разберут твоих ребят, только ведь дальше глядеть надо... Детшек спасать надо, а к нам, того и гляди, пугачишки нагрянут. Веди ты уж ребятшек до города. Еще бычку, если надо, да.

Не надо бычку, если дедушка Павел с нами поедет.

Чуть свет Вася и Рыжик были запряжены. Дети поднимались с трудом. Многие плакали.

Андрей не помнит, сколько дней шли они до областного города Тяжелый ранний подъем, мучительный путь по расклевывающей ноге. И тут очень помог дедушка Павел. Даже не столько он, сколько Вася и Рыжик. Запряженные в бычку, они, помахивая хвостами, спокойно стояли на дороге и как бы пригласили детей скорее собраться к ним и залезать в бычку, пока есть в ней местечко.

В Хорунжевскую добрались в сумерках, развелись дом председателя колхоза. На крыльцо вышла женщина. Окунув взглядом толпу детей, окружившую бычку, она охнула, приложила руки к груди, поправила гладко зачесанные волосы и сказала:

Пойдемте в школу...

А потом в школу, запылавшись, прибежали две женщины с горшками парного молока и караваями белого хлеба.

Ну давайте, казачата, вечерять... Ничего, ешьте, ешьте, всем хватит. Сейчас еще принесут...

И принесли. Принесли и ряженки, и каймаки, и сала, и хлеба. Андрей и сейчас кажется, что никогда, ни раньше, ни после, ему не приходилось есть такого вкусного хлеба и пить такого молока.

А когда женщины, уложив ребят на золотистой соломе и потихоньку всплакнув над горестной судьбой осиротевших, разошлись, в школу пришли председатель колхоза и партгор — пожилой казак с пустым правым рукавом и рубашки, засунутым за пояс.

Почти всю ночь в учительской шел совет: что делать с ребятами.

Милая ты моя, Катенька, — говорила председатель, — да казачки в одночасье разберут твоих ребят, только ведь дальше глядеть надо... Детшек спасать надо, а к нам, того и гляди, пугачишки нагрянут. Веди ты уж ребятшек до города. Еще бычку, если надо, да.

Не надо бычку, если дедушка Павел с нами поедет.

Чуть свет Вася и Рыжик были запряжены. Дети поднимались с трудом. Многие плакали.

Андрей не помнит, сколько дней шли они до областного города Тяжелый ранний подъем, мучительный путь по расклевывающей ноге. И тут очень помог дедушка Павел. Даже не столько он, сколько Вася и Рыжик. Запряженные в бычку, они, помахивая хвостами, спокойно стояли на дороге и как бы пригласили детей скорее собраться к ним и залезать в бычку, пока есть в ней местечко.

В Хорунжевскую добрались в сумерках, развелись дом председателя колхоза. На крыльцо вышла женщина. Окунув взглядом толпу детей, окружившую бычку, она охнула, приложила руки к груди, поправила гладко зачесанные волосы и сказала:

Пойдемте в школу...

А потом в школу, запылавшись, прибежали две женщины с горшками парного молока и караваями белого хлеба.

Ну давайте, казачата, вечерять... Ничего, ешьте, ешьте, всем хватит. Сейчас еще принесут...

И принесли. Принесли и ряженки, и каймаки, и сала, и хлеба. Андрей и сейчас кажется, что никогда, ни раньше, ни после, ему не приходилось есть такого вкусного хлеба и пить такого молока.

А когда женщины, уложив ребят на золотистой соломе и потихоньку всплакнув над горестной судьбой осиротевших, разошлись, в школу пришли председатель колхоза и партгор — пожилой казак с пустым правым рукавом и рубашки, засунутым за пояс.

Почти всю ночь в учительской шел совет: что делать с ребятами.

Милая ты моя, Катенька, — говорила председатель, — да казачки в одночасье разберут твоих ребят, только ведь дальше глядеть надо... Детшек спасать надо, а к нам, того и гляди, пугачишки нагрянут. Веди ты уж ребятшек до города. Еще бычку, если надо, да.

Не надо бычку, если дедушка Павел с нами поедет.

Чуть свет Вася и Рыжик были запряжены. Дети поднимались с трудом. Многие плакали.

Андрей не помнит, сколько дней шли они до областного города Тяжелый ранний подъем, мучительный путь по расклевывающей ноге. И тут очень помог дедушка Павел. Даже не столько он, сколько Вася и Рыжик. Запряженные в бычку, они, помахивая хвостами, спокойно стояли на дороге и как бы пригласили детей скорее собраться к ним и залезать в бычку, пока есть в ней местечко.

В Хорунжевскую добрались в сумерках, развелись дом председателя колхоза. На крыльцо вышла женщина. Окунув взглядом толпу детей, окружившую бычку, она охнула, приложила руки к груди, поправила гладко зачесанные волосы и сказала:

Пойдемте в школу...

А потом в школу, запылавшись, прибежали две женщины с горшками парного молока и караваями белого хлеба.

Ну давайте, казачата, вечерять... Ничего, ешьте, ешьте, всем хватит. Сейчас еще принесут...

И принесли. Принесли и ряженки, и каймаки, и сала, и хлеба. Андрей и сейчас кажется, что никогда, ни раньше, ни после, ему не приходилось есть такого вкусного хлеба и пить такого молока.

А когда женщины, уложив ребят на золотистой соломе и потихоньку всплакнув над горестной судьбой осиротевших, разошлись, в школу пришли председатель колхоза и партгор — пожилой казак с пустым правым рукавом и рубашки, засунутым за пояс.

Почти всю ночь в учительской шел совет: что делать с ребятами.

Милая ты моя, Катенька, — говорила председатель, — да казачки в одночасье разберут твоих ребят, только ведь дальше глядеть надо... Детшек спасать надо, а к нам, того и гляди, пугачишки нагрянут. Веди ты уж ребятшек до города. Еще бычку, если надо, да.

Не надо бычку, если дедушка Павел с нами поедет.

Чуть свет Вася и Рыжик были запряжены. Дети поднимались с трудом. Многие плакали.

Андрей не помнит, сколько дней шли они до областного города Тяжелый ранний подъем, мучительный путь по расклевывающей ноге. И тут очень помог дедушка Павел. Даже не столько он, сколько Вася и Рыжик. Запряженные в бычку, они, помахивая хвостами, спокойно стояли на дороге и как бы пригласили детей скорее собраться к ним и залезать в бычку, пока есть в ней местечко.

В Хорунжевскую добрались в сумерках, развелись дом председателя колхоза. На крыльцо вышла женщина. Окунув взглядом толпу детей, окружившую бычку, она охнула, приложила руки к груди, поправила гладко зачесанные волосы и сказала:

Пойдемте в школу...

А потом в школу, запылавшись, прибежали две женщины с горшками парного молока и караваями белого хлеба.

Ну давайте, казачата, вечерять... Ничего, ешьте, ешьте, всем хватит. Сейчас еще принесут...

И принесли. Принесли и ряженки, и каймаки, и сала, и хлеба. Андрей и сейчас кажется, что никогда, ни раньше, ни после, ему не приходилось есть такого вкусного хлеба и пить такого молока.

А когда женщины, улож